

Мегрэ в школе

Автор:

Жорж Сименон

Мегрэ в школе

Жорж Сименон

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон писал о комиссаре Мегрэ с 1929 по 1972 год.

«Мегрэ в школе» (1954) рассказывает о расследовании, предпринятом комиссаром в небольшой деревне во время отпуска. Убита старуха, которую все ненавидели, но подозрение падает на школьного учителя. Мегрэ приходится иметь дело с крайне ненадежными свидетелями?—?подростками.

Жорж Сименон

Мегрэ в школе

«Certes, ils pref?rent que je ne voie pas certaines choses. Mais ce qu'il ne faut surtout pas, c'est que je leur en raconte d'autres».

«- Vous direz tout?

- Et vous?

– J’essaierai. Si je n’y parviens pas, je m’en voudrais toute ma vie».

«Peuples qui on faim», 1934

«Конечно, все предпочитают, чтобы я не видел некоторых вещей. Но последнее, что я должен делать, так это молчать о них».

«– Ты все расскажешь?»

– А вы?

– Я попробую. И если не смогу, то буду винить себя до конца жизни».

«Люди, которые голодны», 1934

«Maigret ? l’ecole» © 1954, Georges Simenon Limited, all rights reserved.

«Мегрэ в школе» © 2022, Georges Simenon Limited, all rights reserved.

Translation of the novel © 2012 by Hemiro Limited, all rights reserved.

GEORGES SIMENON ® by

, all rights reserved.

MAIGRET ®by Georges Simenon Limited, all rights reserved

© ООО «Феникс», оформление, 2022

Бывают образы, которые врезаются в память бессознательно, с фотографической точностью. А гораздо позднее мы, отыскав их среди прочих, задумчиво почесываем затылок, напряженно думая, где мы их видели.

После стольких лет службы Мегрэ уже чисто автоматически поднимался по крутой пыльной лестнице здания криминальной полиции, как всегда немного задыхаясь. На минуту он остановился и машинально взглянул на стеклянную клетку, служившую залом ожидания, которую одни называли аквариумом, а другие?–?чистилищем. Возможно, все сотрудники поступали аналогичным образом, и это превратилось в своего рода профессиональный ритуал.

Даже когда, как и этим утром, яркое, веселое, как ландыши, солнце заливало своим светом Париж и заставляло блестеть розовые колпаки на верхушках каминных труб, лампа в чистилище, где не было окон и куда свет проникал только из бескрайнего коридора, горела весь день.

Иногда на креслах и стульях, обитых зеленым бархатом, сидели типы с более или менее бандитскими рожами?–?старые клиенты, которых какой-нибудь инспектор задержал ночью и которые теперь дожидались, когда их вызовут на допрос, – или осведомители, свидетели, получившие повестку накануне и теперь поднимавшие голову всякий раз, когда кто-нибудь проходил мимо.

По какой-то непонятной причине здесь в черных рамках на золотистых шнурах висели фотографии полицейских, погибших на боевом посту.

Через чистилище проходили и другие персонажи?–?мужчины и женщины, принадлежащие к так называемому свету. Они сначала стояли, как бы ожидая, что их вызовут с минуты на минуту, словно зашли сюда просто так, на огонек. Через более или менее продолжительное время они подходили к стулу, на который в конце концов садились. Нередко случалось, что часа через три их снова видели ушедшими в себя, с поблекшим взглядом, потерявшими чувство своей общественной значимости.

В то утро в чистилище сидел один мужчина. Мегрэ заметил, что он принадлежал к типу, который в полиции обычно называли «крысиная морда». Мужчина был худым. Над высоким лбом с залысинами возвышался клок рыжеватых волос. У него были голубые глаза, а нос казался еще более острым, поскольку

подбородок был немного скошенным.

Везде, начиная со школы, можно было встретить подобных индивидуумов. Бог знает почему, но их никогда не принимали всерьез.

Мегрэ практически не обратил на него внимания. Если бы в тот момент, когда он открывал дверь своего кабинета, его спросили, кто находится в зале ожидания, он не нашелся бы, что ответить. Было без пяти минут девять. Окно распахнуто настежь, и над Сеной поднимался легкий золотисто-голубой пар. Впервые в наступившем году Мегрэ надел демисезонное пальто, однако воздух оставался еще прохладным: тот самый воздух, который хотелось пить, словно выдержанное белое вино, и который так приятно освежал лицо.

Снимая шляпу, Мегрэ взглянул на визитную карточку, лежавшую на столе. Чернила были бледными: Жозеф Гастен, школьный учитель. В правом углу такими мелкими буквами, что комиссару пришлось нагнуться, было выведено: Сент-Андре-сюр-Мер.

Мегрэ не провел никакой связи между визитной карточкой и человеком с крысиной мордой. Он только спросил себя, где слышал о Сент-Андре-сюр-Мер. Раздавшийся в коридоре звонок сзывал всех на совещание у начальника. Мегрэ снял пальто, взял папку, которую приготовил накануне, и, как уже много лет подряд, направился в кабинет шефа. По дороге он встретил других комиссаров. В глазах у них он читал то же выражение, что и у прохожих на улице.

- Наконец-то настала весна!

- Можно и так сказать!

- Сегодня будет замечательный день.

В большие окна кабинета директора, словно в окна деревенской церкви, лился солнечный свет; сидя на каменном выступе, ворковали голуби.

И все, потирая руки, повторяли:

- Наступила весна.

Всем им перевалило за сорок пять лет. Дела, которыми им предстояло заниматься, были серьезными, даже мрачными. Тем не менее они радовались, словно дети, неожиданно потеплевшему воздуху и, главное, солнечному свету, заливавшему город и превращавшему улицы, фасады, крыши, машины, проезжавшие по мосту Сен-Мишель, в картины, которые так и хотелось повесить у себя дома.

– Мегрэ, вы уже говорили с заместителем директора агентства с улицы Риволи?

– Я встречаюсь с ним через полчаса.

Дело, не имевшее никакой важности. Неделя выдалась практически пустой. Заместитель директора банковского агентства с улицы Риволи, в двух шагах от Центрального рынка, подозревал одного из своих служащих в мошенничестве.

Мегрэ, сидя напротив окна, набил трубку. Его коллега из отдела общей информации обсуждал с шефом другое дело. Потом речь зашла о дочери сенатора, попавшей в щекотливое положение.

Вернувшись в свой кабинет, Мегрэ увидел, что его дожидается Люка. Инспектор уже надел шляпу, поскольку должен был сопровождать комиссара на улицу Риволи.

– Пойдем пешком?

Все было готово. Мегрэ забыл о визитной карточке. Проходя мимо чистилища, он вновь увидел крысину морду, а также двух-трех других клиентов, среди которых был содержатель ночного заведения, которого сразу же узнал. Того вызвали в связи с инцидентом, произошедшим с дочерью сенатора.

Они добрались до Нового моста. Мегрэ шагал широко. Люка, у которого были короткие ноги, приходилось быстро семенить, чтобы не отстать. Потом они не смогли бы вспомнить, о чем говорили. Возможно, они довольствовались тем, что просто смотрели по сторонам. На улице Риволи воздух наполнился крепким запахом свежих овощей и фруктов. Грузовики везли их в деревянных ящиках и корзинах.

Они вошли в банк, выслушали объяснения заместителя директора и обошли помещения, украдкой наблюдая за служащим, который попал под подозрение.

Поскольку никаких веских доказательств не было, они решили расставить ему ловушку. Обсудив все детали, они пожали друг другу руки. Мегрэ и Люка вышли на улицу. Воздух был таким теплым, что они не стали надевать пальто, что придало им вид отдыхающих.

На площади Дофина они остановились, словно по обоюдному согласию.

- Не зайти ли нам выпить по стаканчику?

Время аперитива еще не наступило, но им казалось, что вкус перно? как [1 - Перно? (фр. Pernod) – марка анисовой настойки, выпускаемая компанией Pernod Ricard. – ?Прим. пер.]нельзя лучше гармонировал с весенней обстановкой, и они вошли в пивной ресторан «У Дофина».

- Два перно?, и побыстрее!

- Слушай, ты знаешь, где находится Сент-Андре-сюр-Мер?

- Кажется, это где-то в Шаранте.

Это напомнило Мегрэ солнечный пляж в Фурра, устрицы, которые он там ел в половине одиннадцатого утра, запивая их местным белым вином, и песчинки на дне бутылки.

- Как ты думаешь, служащий жульничает?

- Похоже, заместитель директора в этом уверен.

- Вид этого служащего не внушает мне доверия.

- Мы все выясним через два-три дня.

Они миновали набережную Орфевр. Поднявшись по большой лестнице, Мегрэ снова остановился. «Крысиная морда» по-прежнему сидел в чистилище, наклонившись вперед и положив длинные костистые руки на колени. Мужчина посмотрел на комиссара. Мегрэ показалось, что он заметил в этом взгляде упрек.

Войдя в кабинет, Мегрэ нашел визитную карточку и вызвал дежурного.

– Он все еще здесь?

– С восьми часов утра сидит. Он пришел раньше меня. И настаивает на том, чтобы встретиться лично с вами.

Множество людей, особенно сумасшедших и полубезумных, хотели говорить только с директором или Мегрэ, имя которого часто упоминалось в газетах. Они отказывались иметь дело с инспекторами. Некоторые могли прождать целый день и возвратиться на следующее утро. Они с надеждой вставали каждый раз, когда комиссар проходил мимо, а затем покорно садились и снова ждали.

– Пусть войдет.

Комиссар расположился за столом, набил трубку и знаком пригласил вошедшего мужчину сесть напротив. Держа визитную карточку в руке, он спросил:

– Жозеф Гастен. Это вы?

Увидев мужчину вблизи, комиссар понял, что тот, вероятно, не спал всю ночь, поскольку у него были покрасневшие веки, серый цвет лица и чересчур блестящие глаза. Мужчина скрестил руки, как и в зале ожидания. Пальцы его захрустели.

Вместо ответа он прошептал, тревожно и вместе с тем смиренно взглянув на комиссара:

– Вы уже знаете?

– Что я должен знать?

Казалось, мужчина удивился, смутился и, возможно, лишился последних иллюзий.

– Я полагал, что здесь уже обо всем известно. Я уехал из Сент-Андре вчера вечером. К нам приезжал репортер. Я сел на поезд, отправлявшийся в восемь часов, и сразу же примчался сюда.

– Почему?

Посетитель явно был интеллектуалом. Но казался до того растерянным, что не знал, с чего начать свой рассказ. Мегрэ подавлял его своим видом. Комиссар догадывался, что мужчине хорошо известна его репутация и он, как и многие другие, видит в нем Бога-Отца.

До этой аудиенции учителю все казалось достаточно простым. Теперь же перед ним сидел живой человек, который маленькими затяжками курил трубку и почти равнодушно смотрел на него своими большими глазами.

Соответствовал ли Мегрэ тому образу, который создал себе мужчина? Не начал ли он жалеть, что приехал сюда?

– Они, должно быть, говорят, что я сбежал, – ?нервно сказал мужчина, горько улыбаясь. – ?Но если бы я был виновен, в чем они убеждены, если бы вознамерился бежать, разве я был бы сейчас здесь?

– Мне трудно ответить на ваш вопрос, поскольку я ничего не знаю, – ?пробормотал Мегрэ. – ?В чем вас обвиняют?

– В том, что я убил Леони Бирар.

– Кто вас обвиняет?

– Вся деревня, более или менее открыто. Лейтенант жандармерии не осмелился меня арестовать. Он честно сказал, что ему не хватает доказательств, но попросил меня не уезжать далеко...

- Тем не менее вы уехали.

- Да.

- Почему?

Посетитель был слишком взвинчен, чтобы спокойно сидеть. Он резко встал, пробормотав:

- Вы позволите?

Мужчина не знал, куда себя деть, как держаться.

- Иногда я спрашиваю себя: что со мной?

Достав из кармана носовой платок сомнительной чистоты, он вытер им лоб. Вероятно, носовой платок пах поездом, да и по?том тоже.

- Вы завтракали?

- Нет. Я хотел как можно быстрее попасть сюда. Я не хотел, чтобы до этого меня арестовали. Вы понимаете меня?

Но как Мегрэ мог его понять?

- Объясните толком, почему вы решили приехать ко мне.

- Потому что я верю вам. Я знаю, что вы, если захотите, установите правду.

- Когда эта дама... Как ее зовут?..

- Леони Бирар. Это бывшая служащая нашей почты.

- Когда она умерла?

- Ее убили во вторник утром. Позавчера. Чуть позже десяти часов.

- И вас обвинили в преступлении?

- Вы ведь родились в деревне, я читал об этом в одном иллюстрированном журнале... И провели там бо?льшую часть вашей юности. Значит, вы знаете, как обстоят дела в небольшом поселке. В Сент-Андре насчитывается лишь 320 жителей...

- Одну минуточку. Преступление, о котором вы говорите, было совершено в Шаранте?

- Да. Километрах в пятнадцати к северо-западу от Ла-Рошели, недалеко от мыса Эгийон. Вы знаете это место?

- Немного. Но все дело в том, что я служу в криминальной полиции Парижа, и моя юрисдикция не распространяется на Шаранту.

- Я думал об этом.

- В таком случае...

Мужчина надел свой лучший костюм, который помялся в дороге. Воротник рубашки был потертым. Он стоял посреди кабинета, опустив голову, разглядывая ковер.

- Разумеется... - ?вздыхнул он.

- Что вы хотите этим сказать?

- Я ошибся. Теперь уж я и не знаю. Мне это казалось таким естественным.

- Что именно?

- Приехать сюда, чтобы вы взяли меня под свое покровительство.

- Под свое покровительство??-?повторил удивленный Мегрэ.

Гастен стоял перед комиссаром с видом человека, который спрашивает себя:
«Что происходит? Где я нахожусь?»

- Там, если меня даже не арестуют, они сыграют со мной злую шутку.

- Они вас не любят.

- Нет, не любят.

- Почему?

- Во-первых, потому что я учитель и еще секретарь мэрии.

- Ничего не понимаю.

- Вы давно уехали из деревни. У них есть деньги. Они либо фермеры, либо разводят устриц и мидий. Вы знаете, что такое садки?

- Плантации устриц и мидий, устроенные вдоль берега?

- Да. Мы живем в краю мидий и устриц. У всех есть хотя бы небольшой участок. Это очень прибыльное дело. Они богаты. Почти у всех есть машина или грузовичок. И знаете, сколько из них платят подоходный налог?

- Полагаю, немногие.

- Никто! В нашей деревне платят налоги только доктор и я. Разумеется, меня они считают бездельником... Они воображают, будто это они меня содержат. Когда я возмущаюсь, что дети пропускают уроки, они отвечают, чтобы я не вмешивался не в свои дела. Когда я потребовал, чтобы ученики здоровались со мной на улице, они заявили, что я вообразил себя префектом...

- Расскажите мне о деле Леони Бирар.

- Вы действительно этого хотите?

Взгляд мужчины, в котором возродилась надежда, вновь обрел твердость. Гастен решил сесть и заставил себя говорить не спеша. Однако от сильных эмоций его голос дрожал.

- Прежде всего вам необходимо знать расположение деревни. Это трудно объяснить... Как и почти везде, школа находится позади мэрии. Там я и живу, по другую сторону двора. У меня есть небольшой огород. Позавчера, во вторник, примерно в такое же время, стоял настоящий весенний день. Был квадратурный прилив...

- Это важно?

- При квадратурных приливах, то есть при приливах со слабой амплитудой, никто не собирает мидий и устриц. Понимаете?

- Да.

- За школьным двором простираются сады, куда выходят задние фасады нескольких домов, в том числе задний фасад дома Леони Бирар.

- Сколько лет было этой женщине?

- Шестьдесят шесть. Как секретарь мэрии я знаю возраст всех жителей деревни.

- Конечно, конечно.

- Восемь лет назад она вышла на пенсию по болезни. Она перестала выходить из дома, передвигается, опираясь на палочку. Она злая женщина.

- И в чем это проявляется?

- Она ненавидит весь мир.

- Почему?

– Не знаю... Она никогда не была замужем. У нее есть племянница, которая очень долго жила с ней, а потом вышла замуж за Жюльена, жестянщика, который в то же время занимает должность полевого сторожа...

В другой день подобные истории, возможно, навеяли бы на Мегрэ скуку. Но в то утро, когда солнце ярким светом через окно заливало комнату и приносило с собой весеннее тепло, когда трубка приобрела какой-то новый вкус, комиссар слушал посетителя с улыбкой на губах. Звучавшие слова напоминали ему другую деревню, где тоже разыгрывались драмы, в которых принимали участие работница почты, школьный учитель и полевой сторож.

– Женщины больше не виделись, поскольку Леони не хотела, чтобы племянница выходила замуж. Она не хочет видеть и доктора Бреселя, поскольку обвиняет его в том, что тот пытался ее отравить своими лекарствами...

– Он действительно пытался ее отравить?

– Разумеется нет! Я просто хочу, чтобы вы поняли, какая это женщина... Вернее, была... Когда она работала начальницей почтового отделения, она прослушивала все телефонные разговоры, читала почтовые открытки. Таким образом, она знала секреты всех и каждого. Ей было нетрудно настраивать людей друг против друга. Большинство ссор между родными или соседями происходили именно по ее вине.

– Итак, ее не любили.

– Конечно нет.

– В таком случае...

Казалось, Мегрэ говорил, что все становится простым, что с того момента, когда женщина, которую все ненавидели, умерла, каждый должен был бы радоваться.

– Только и меня они не любят...

– Из-за того, о чем вы мне рассказали?

– И из-за этого, и из-за другого. Я не местный. Я родился в Париже, на улице Коленкур, в Восемнадцатом округе, а моя жена?–?с улицы Ламарк.

– Ваша жена живет с вами в Сент-Андре?

– Мы живем вместе с нашим сыном, которому недавно исполнилось тринадцать лет.

– Он ходит в вашу школу?

– Другой школы просто нет поблизости.

– Его приятели вменяют ему в вину, что он сын учителя?

Мегрэ и это было известно. В его памяти всплывали детские воспоминания. Сыновья фермеров злились на него, сына управляющего. Его отец предъявлял счета их отцам.

– Поверьте, я не даю ему поблажки. Я даже подозреваю, что он нарочно учится хуже, чем мог бы...

Постепенно мужчина успокаивался. Теперь его глаза смотрели не так испуганно. Он не был сумасшедшим, который выдумывает небылицы, чтобы привлечь к себе интерес.

– Леони Бирар выбрала меня как мальчика для битья.

– Не имея на то причин?

– Она утверждала, что я настраиваю детей против нее. Уверяю вас, месье комиссар, это неправда. Напротив, я всегда пытался убедить их, что им следует вести себя с ней как хорошо воспитанным детям. Она была очень толстой, можно сказать, огромной. Похоже, она носила парик. Кроме того, у нее на лице была растительность: настоящие усы и черные волоски на подбородке. Этого было вполне достаточно, чтобы мальчишки смеялись над ней. Вы меня понимаете? Каждый пустяк мог привести ее в ярость. Например, если она видела, как ребенок припадал лицом к стеклу и показывал ей язык, она вставала

со своего кресла и начинала угрожающе размахивать своей палкой. Это забавляло ребятишек. Это было их любимым развлечением?—привести мамашу Бирар в ярость...

Разве в его деревне не было подобной старухи? В его времена такой фурией была галантерейщица, мамаша Татен. С ее котом тоже постоянно приключались какие-нибудь беды.

– Возможно, я докучаю вам всеми этими подробностями, но они очень важны. Случались и более серьезные инциденты. Мальчишки разбивали стекла и бросали в ее окна мусор. Я уж не знаю, сколько раз она жаловалась жандармам. Лейтенант жандармерии пришел ко мне и потребовал назвать виновных.

– И вы назвали их?

– Я ответил, что в этом в той или иной степени замешаны все дети. Но если она прекратит изображать из себя страшилище, размахивая палкой, возможно, они успокоятся.

– Что произошло во вторник?

– После полудня, приблизительно в половине второго, полька Мария, мать пятерых детей, которая прибирается в чужих домах, как обычно, отправилась к мамаше Бирар. Окна были приоткрыты, и из здания школы я услышал крики?—слова, которые она произносила на родном языке. Она всегда переходит на польский, когда волнуется... Мария, то есть Мария Смелкер, приехала в нашу деревню в шестнадцать лет и нанялась батрачкой на ферму. Она никогда не была замужем. Все ее дети от разных отцов. Говорят, что по крайней мере двух детей она родила от помощника мэра... Он тоже меня ненавидит, но это совсем другая история... О ней я расскажу вам чуть позже.

– Значит, во вторник около половины второго Мария позвала на помощь?

– Да. Я не покидал класса, потому что услышал, как в дом старухи бросились люди. Чуть позже я увидел небольшой автомобиль доктора.

– Вы не пошли туда?

- Нет. Теперь меня в этом упрекают, утверждают, что, раз уж я не тронулся с места, значит, заранее знал, что увижу.

- Полагаю, вы не могли покинуть класс?

- Мог бы. Иногда я ухожу из школы, чтобы подписать кое-какие бумаги в кабинете мэра. Я мог бы позвать жену.

- Она учительница?

- Она была учительницей.

- В деревне?

- Нет. Мы оба учительствовали в Курбеуа. Там мы прожили семь лет. Но когда я попросил перевести меня в деревню, она вышла в отставку.

- Почему вы уехали из Курбеуа?

- Это связано со здоровьем моей жены...

Эта тема явно не нравилась ему, и на вопрос он ответил уклончиво.

- Итак, вы не позвали жену, как это иногда случается вам делать, а сами остались с учениками...

- Да.

- Что произошло потом?

- Суматоха царила более часа. Обычно у нас в деревне спокойно. Шум доносится издалека. Но тут Маршандон, наш кузнец, перестал бить молотом. Люди переговаривались, стоя у изгородей своих палисадников. Да вы знаете, как это бывает, когда происходит подобное событие... Чтобы дети не отвлекались, я закрыл окна.

– Из окон школы можно видеть дом Леони Бирар?

– Да, из одного окна.

– Что вы увидели?

– Сначала я увидел полевого сторожа, что меня очень удивило, поскольку он давно не разговаривал с теткой своей жены. Потом Тео, помощника мэра. Он уже был изрядно пьян, как обычно после десяти часов утра. Я заметил также доктора и других соседей. Все они столпились в комнате и смотрели на пол. Позднее из Ла-Рошели приехал лейтенант жандармерии с двумя жандармами. Но я об этом узнал только тогда, когда он постучал в дверь класса. До этого он успел расспросить многих.

– Он обвинил вас в убийстве Леони Бирар?

Гастен с упреком посмотрел на комиссара, словно собирался сказать: «Вы прекрасно знаете, как все это происходит».

Вслух же он произнес глуховатым голосом:

– Я сразу заметил, что он на меня как-то странно смотрит. Первым делом он спросил меня: «Гастен, у вас есть карабин?» Я ответил, что нет. Но карабин есть у моего сына Жан-Поля. Это сложная история... Вы должны знать, как ведут себя дети. Вдруг однажды утром видишь, как кто-то пришел в класс с шариками. И на следующий день все мальчики играют в шарик, которыми доверху полны их карманы. Потом кто-то приходит с воздушным змеем, и в течение нескольких недель все запускают воздушные змеи...

Так вот. Кто-то, я уж не помню кто, пришел с карабином 22 калибра и принялся стрелять по воробьям. Через месяц я насчитал полдюжины подобных карабинов. Мой сын захотел, чтобы мы подарили ему карабин на Рождество. Я счел себя не вправе отказывать ему...

Даже карабин освежил воспоминания Мегрэ. Только у него была духовая винтовка, свинцовые пули которой лишь взъерошивали перья птиц.

– Я сказал лейтенанту, что, насколько мне известно, карабин должен находиться в комнате Жан-Поля. Он послал одного из жандармов проверить это. Конечно, мне надо было самому проконтролировать, где находится оружие. Но я об этом как-то не подумал. Случилось так, что карабин оказался не в комнате сына, а в сарае, где я храню тачку и инструменты.

– Леони Бирар убили из карабина 22 калибра?

– И это самое удивительное, но далеко не всё. Потом лейтенант спросил меня, не выходил ли я сегодня утром из класса, и я, на свое несчастье, ответил, что не выходил.

– А вы выходили?

– Минут на десять, сразу после перемены. Когда вам задают подобные вопросы, вы отвечаете не задумываясь. Перемена закончилась в десять часов. Может, чуть позже, в пять минут одиннадцатого. Пьебёф, фермер из Гро-Шен, пришел, чтобы я подписал бумагу, которая ему необходима для получения пенсии, ведь он инвалид войны. Обычно я храню печать в классе. Но тем утром у меня ее не было, и я повел фермера в свой кабинет в мэрии. Ученики вели себя спокойно. А поскольку моя жена плохо себя чувствует, я затем пересек двор и зашел домой, чтобы убедиться, что она ни в чем не нуждается.

– У вашей жены плохое здоровье?

– Нервы не в порядке. Словом, я отсутствовал десять или пятнадцать минут... Нет, скорее, десять, чем пятнадцать...

– Вы что-нибудь слышали?

– Помню, что кузнец Маршандон подковывал лошадь, поскольку я слышал удары молотом по наковальне, а в воздухе стоял запах раскаленного железа. Кузница находится рядом с церковью, почти напротив школы.

– Предполагают, что именно в этот момент была убита Леони Бирар?

- Да. Кто-то из палисадника или из окна выстрелил в нее, когда она находилась на кухне, выходящей на задний двор.

- И она умерла от пули 22 калибра?

- Вот это-то и удивительно. Пуля, выпущенная с определенного расстояния, не могла причинить ей большого вреда. Но она вошла ей в голову через левый глаз и застряла в черепной коробке.

- Вы хороший стрелок?

- Многие так утверждают, поскольку видели, как этой зимой я стрелял с сыном по мишени. Возможно, это было три-четыре раза. Но я стрелял из карабина только на ярмарках.

- Лейтенант вам не поверил?

- Он прямо не обвинил меня, но удивился, что я не признался ему в том, что покидал класс. Потом, в мое отсутствие, он расспросил учеников. О результатах этого опроса он мне ничего не сказал. Затем он вернулся в Ла-Рошель. На следующий день, то есть вчера, он расположился в моем кабинете в мэрии вместе с Тео, помощником мэра.

- Где вы находились в это время?

- Я вел урок. Из тридцати двух учеников пришли только восемь. Дважды меня вызывали, задавали одни и те же вопросы. Потом мне велели подписать свои показания. Они допрашивали и мою жену. Ее спросили, сколько времени я провел с ней. Сына они расспрашивали о карабине.

- Но вас не арестовали.

- Да, вчера меня не арестовали. Но я уверен, что они это сделали бы сегодня, если бы я остался в Сент-Андре. Ночью кто-то кидал камни в окна нашего дома... Моя жена вся на нервах.

- И вы уехали один, оставив вашу жену с сыном?

– Да. Я надеюсь, что соседи не посмеют причинить им зла. А вот если бы меня арестовали, они не дали бы мне возможности защищаться. Из тюрьмы я никак не смог бы общаться с внешним миром. Никто мне не поверил бы. И они сделали бы со мной всё что угодно.

Его лоб вновь покрылся потом, пальцы переплелись так сильно, что кровь перестала в них циркулировать.

– Наверное, я ошибаюсь. Я говорил себе, что вы, возможно, согласитесь поехать со мной, чтобы установить истину, если я все расскажу вам. Я не предлагаю вам денег. Я знаю, что деньги вас не интересуют. Клянусь вам, месье комиссар, я не убивал Леони Бирар.

Мегрэ, немного поколебавшись, протянул руку к телефону и снял трубку.

– Как зовут лейтенанта жандармерии?

– Даньелу.

– Алло! Соедините меня с жандармерией Ла-Рошели. Если лейтенанта Даньелу нет на месте, свяжитесь с мэрией Сент-Андре-сюр-Мер. Я буду в кабинете Люка.

Мегрэ разъединил телефонную связь, раскурил трубку и подошел к окну. Он делал вид, будто больше не интересуется учителем, который два-три раза открывал рот, чтобы поблагодарить комиссара, но так и не нашел нужных слов.

Яркий желтый свет, заливавший воздух, постепенно сменялся голубым. Фасады домов на другом берегу Сены приобретали кремовый оттенок. Кое-где солнечные лучи отражались в окнах мансард.

– Это вы просили соединить вас с Сент-Андре-сюр-Мер, патрон?

– Да, Люка. Подожди минутку.

Мегрэ прошел в соседний кабинет.

– Лейтенант Даньелу? Говорит Мегрэ из криминальной полиции Парижа. Похоже, вы кое-кого разыскиваете?

На другом конце провода жандарм не мог прийти в себя от изумления.

– Как, вы уже знаете?

– Речь идет об учителе?

– Да. Я ошибся, что поверил ему. Я даже не представлял, что он попытается скрыться. Вчера вечером он сел на поезд, идущий в Париж, и...

– У вас есть против него улики?

– И очень серьезные. По крайней мере, одно свидетельство, уличающее учителя... Мы получили его сегодня утром...

– От кого?

– От одного из его учеников.

– Он что-то видел?

– Да.

– Что именно?

– Во вторник утром учитель выходил около десяти часов двадцати минут из своего сарая. А в четверть одиннадцатого помощник мэра слышал выстрел...

– Вы попросили у следователя ордер на арест?

– Я уже собирался ехать в Ла-Рошель за орденом, как вы позвонили. Но как вы узнали? Из газет?..

– Я не читал газет. Жозеф Гастен находится в моем кабинете.

На несколько секунд воцарилось молчание. Потом лейтенант прошептал:

- А!..

Разумеется, лейтенанту хотелось задать комиссару еще один вопрос. Но он не задал его. Мегрэ же не знал, что говорить дальше. Он еще не принял окончательного решения. Если бы сегодня утром солнце не светило так ярко, если бы совсем недавно он не выкурил трубку ароматного табака, если бы не устрицы и белое вино, если бы за эти десять месяцев Мегрэ позволили взять два-три дня отпуска, если бы...

- Алло! Вы меня слушаете?

- Да. Что вы собираетесь с ним делать?

- Привезти его вам.

- Вы сами его привезете?

Это было сказано без особого восторга. Комиссар улыбнулся.

- Хочу вам заметить, что я не позволю себе вмешиваться в ход вашего расследования.

- Вы полагаете, что он...

- Не знаю. Может, он виновен. Может, не виновен. В любом случае, я вам его привезу.

- Благодарю вас. Я встречу вас на вокзале.

В своем кабинете Мегрэ нашел Люка, который с любопытством разглядывал учителя.

- Подожди еще минутку. Я предупрежу шефа.

Работа позволяла Мегрэ взять несколько дней отпуска. Вернувшись, он спросил Гастена:

- В Сент-Андре есть таверна?

- Да, «Приятный уголок». Таверну держит Луи Помель. Там хорошо кормят, но в комнатах нет проточной воды.

- Вы уезжаете, патрон?

- Соедини меня с моей женой.

Все это произошло так неожиданно, что бедный Гастен обомлел, не решаясь радоваться.

- Что он вам сказал?

- Возможно, он вас арестует, как только мы приедем на вокзал.

- Но... Вы едете вместе со мной?..

Мегрэ кивнул головой и взял телефонную трубку, которую протягивал ему Люка:

- Это ты? Приготовь мне чемоданчик с бельем и необходимыми туалетными принадлежностями... Да... Да... Точно не знаю... Возможно, дня на три или на четыре...

И весело добавил:

- Я еду к морю, в Шаранту... В край устриц и мидий. А пока я пообедаю в городе. До скорого...

У него было ощущение, что он неплохо кого-то разыграл, как мальчишки, столь долго досаждавшие старой Леони Бирар.

– Идемте со мной, перекусим что-нибудь, – ?обратился Мегрэ к учителю, который послушно встал и последовал за ним, словно во сне.

2

Служанка из «Приятного уголка»

Когда поезд стоял в Пуатье, на платформах одновременно зажглись все фонари, хотя было еще светло. И только позднее, когда вдоль поезда замелькали поля и пастбища, стало темнеть. Окна ферм, расположенных на отшибе, заблестели, словно звезды.

Потом, за несколько километров от Ла-Рошели, на землю начал опускаться легкий туман. Но это был не деревенский, а морской туман, смешавшийся с темнотой. На какой-то миг вдалеке блеснул луч маяка.

В купе ехали еще двое, мужчина и женщина. Во время поездки они иногда поднимали голову, чтобы обменяться несколькими фразами. Жозеф Гастен все чаще и чаще, особенно к концу поездки, устало посматривал на комиссара.

Колеса постукивали на стыках. За окнами мелькали низенькие дома. Железнодорожных путей становилось все больше. Наконец показались платформы вокзала, двери с привычными вывесками, ждущие люди, можно было подумать, те же самые, что и на предыдущих вокзалах. Едва открылась дверь, как в купе ворвался крепкий, свежий воздух, исходивший из черноты впереди, где, как казалось, заканчивались пути. Но если взглянуть более внимательно, можно было различить мачты и трубы кораблей, равномерно покачивающихся на волнах. Слышались крики чаек. Словом, это был знакомый запах моря и гудрона.

Около выхода неподвижно стояли трое мужчин. У лейтенанта Даньелу, совсем молодого человека, были черные усы и густые брови. И только когда всего лишь несколько метров отделяли его от Мегрэ и учителя, лейтенант подошел ближе и вскинул руку в военном приветствии:

– Честь имею, месье комиссар, – ?произнес он.

Мегрэ заметил, что один из бригадиров стал доставать из кармана наручники, и прошептал, обращаясь к лейтенанту:

- Не думаю, что в этом есть необходимость.

Лейтенант подал знак своему подчиненному. Несколько прохожих посмотрели на них. Люди толпой двигались к выходу, неся тяжелые чемоданы, пересекали по диагонали зал ожидания.

- Лейтенант, я намерен не вмешиваться в ход вашего расследования. Надеюсь, что вы меня поняли. Я здесь неофициально.

- Я знаю. Мы говорили об этом со следователем.

- Полагаю, он не рассердился?

- Напротив, он обрадовался, узнав, что вы собираетесь нам помогать. Но в данный момент мы не можем поступить иначе?—мы должны поместить его под арест.

Жозеф Гастен, стоявший в метре от них, делал вид, будто не прислушивается к разговору.

- В любом случае, это в его же интересах. В тюрьме он будет в большей безопасности, чем где-либо. Вы же знаете, как на убийство реагируют в маленьких городах и деревнях...

Лейтенант говорил немного скованно. Мегрэ тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

- Вы ужинали?

- Да, в поезде.

- Вы рассчитываете сегодня остаться на ночлег в Ла-Рошели?

- Мне сказали, что в Сент-Андре есть таверна.

- Позвольте угостить вас стаканчиком вина...

Поскольку Мегрэ не ответил ни «да» ни «нет», лейтенант отдал приказ своим людям. Те подошли к учителю. Комиссару нечего было сказать этому человеку, и он только строго взглянул на него.

- Вы все слышали. Через это надо пройти. Я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Казалось, комиссар извинялся. Гастен посмотрел на Мегрэ, через несколько шагов обернулся, чтобы взглянуть на него еще раз, и вошел в дверь в сопровождении двух жандармов.

- Давайте пройдем в буфет, - ?тихо сказал Даньелу. - ?Но, может, вы предпочитаете зайти ко мне?

- Не сегодня.

Несколько пассажиров ужинали в плохо освещенном зале.

- Что будете пить?

- Не знаю... Коньяк.

Они сели в уголке за стол, накрытый к ужину.

- Будете ужинать??-?спросила официантка.

Они отрицательно покачали головой.

Когда официантка поставила перед ними напитки, смущенный лейтенант спросил:

- Вы полагаете, что он невиновен?

- Не знаю.

- До тех пор, пока у нас не было свидетельства мальчишки, мы могли оставлять его на свободе. К сожалению для него, это свидетельство не вызывает сомнений. Похоже, ребенок говорил искренне. Да и у него нет причин, чтобы врать.

- И когда же он заговорил?

- Сегодня утром, когда я во второй раз опросил весь класс.

- А вчера он ничего не сказал?

- Он был напуган. Вы сами его увидите. Если хотите, завтра утром, когда я приеду туда, я передам вам дело. Большую часть дня я провожу в мэрии.

Напряжение не спадало. Казалось, массивная фигура комиссара и его репутация угнетающе действовали на лейтенанта.

- Вы привыкли к такого рода делам и к парижанам. Я не знаю, знакома ли вам атмосфера маленьких деревень...

- Я родился в деревне. А вы?

- В Тулузе.

Лейтенант попытался улыбнуться.

- Хотите, я провожу вас?

- Будет лучше, если я возьму такси.

- Ну, что же. Такси ждут на привокзальной площади.

Они расстались у машины, стоявшей у вокзала. Комиссар нагнулся, чтобы в темноте порта рассмотреть рыболовецкие суда.

Мегрэ жалел, что они приехали ночью. Машина развернулась и вскоре покинула город. Они ехали по полям, ничем не отличавшимся от других полей. Миновав две деревни, машина остановилась около освещенного окна.

– Это здесь?

– Вы ведь ищете «Приятный уголок», не правда ли?

Какой-то толстяк подошел к стеклянной двери и, не открывая ее, стал следить за движениями Мегрэ, который вынул из багажника чемодан, поставил его на землю, расплатился с шофером и направился к таверне.

В углу мужчины играли в карты. Таверна пропахла вином и рагу. Вокруг двух светильников вился дымок.

– У вас есть свободная комната?

Все посмотрели на комиссара. Из кухни выглянула женщина.

– На ночь?

– Возможно, на два-три дня.

Хозяин таверны окинул Мегрэ взглядом с ног до головы.

– У вас есть удостоверение личности? К нам каждое утро приходят жандармы, и наша регистрационная книга должна быть в порядке.

Четверо мужчин перестали играть, внимательно прислушиваясь к разговору. Мегрэ, подойдя к стойке, заставленной бутылками, протянул свое удостоверение личности. Хозяин таверны надел очки и принялся читать. Подняв голову, он лукаво взглянул на Мегрэ:

– Вы ведь тот самый знаменитый комиссар, не правда ли? Меня зовут Помель, Луи Помель.

И, обернувшись к кухне, Помель позвал:

– Тереза! Отнеси чемодан комиссара в переднюю комнату!

У Мегрэ, сначала не обратившего особого внимания на женщину, которой, вероятно, было лет тридцать, создалось впечатление, что он где-то ее видел. Эта мысль озарила его мгновенно, как это случалось, когда он сталкивался с кем-нибудь, кого прежде видел в чистилище. Женщина тоже нахмурилась, явно что-то вспомнив.

– Что вам предложить?

– Все, что у вас есть. Коньяк, если можно.

Другие посетители таверны ради приличия продолжили играть в белот.

– Вы приехали из-за Леони?

– Не официально.

– Правда, что учителя обнаружили в Париже?

– Теперь он находится в тюрьме Ла-Рошели.

Было трудно догадаться, о чем думал Помель. Хотя он был хозяином таверны, все же выглядел как крестьянин с фермы.

– Вы думаете, что это он?

– Не знаю.

– Полагаю, вы не приехали бы, если бы думали, что он виновен. Или я ошибаюсь?

- Возможно, что не ошибаетесь.

- Один человек слышал выстрел. Тео! Ведь ты же слышал выстрел?

Один из игроков обернулся к ним. Это был мужчина лет шестидесяти пяти, возможно старше, с рыжими волосами с проседью, небритым лицом и хитрыми осовелыми глазами.

- А почему бы мне его и не слышать?

- Это комиссар Мегрэ. Он приехал из Парижа, чтобы...

- Лейтенант мне говорил о нем.

Он не встал, не поздоровался, а просто держал засаленные карты в руках. Под ногтями у него была грязь. Помель тихо объяснил:

- Это помощник мэра.

Мегрэ ответил, тоже лаконично:

- Знаю.

- Не обращайтесь на него внимания. В это время...

И хозяин таверны жестом показал, будто пьет.

- А ты, Фердинанд, что ты видел?

У мужчины, которого называли Фердинандом, была только одна рука. У него было смуглое лицо, как это бывает у людей, которые слишком много времени проводят на солнце.

- Наш почтальон, - ?объяснил Луи Помель. - ?Фердинанд Корню. Так что же ты видел, Фердинанд?

- Ничего особенного.

- Ты видел Тео в его саду?

- Я даже отнес ему письмо.

- А что он делал?

- Он пересаживал лук.

- В котором часу это было?

- Церковные часы пробили ровно десять часов. Я мог видеть их на колокольне, над домами... Дама! Хожу королем той же масти, что и дама! Бью девятку... Туз пик, козырной бубновый туз...

Он бросал карты на стол, на котором остались мокрые круги от стаканов, и с вызовом смотрел на своих партнеров.

- И черт бы побрал тех, кто приезжает докучать нам, - ?добавил он, вставая. - ?Сегодня твоя очередь платить, Тео.

Его движения были неловкими, походка неуверенной. Он снял с крючка форменную фуражку почтальона и направился к двери, бормоча под нос какие-то слова, которые никто не мог разобрать.

- Он всегда такой по вечерам?

- Почти всегда.

Луи Помель хотел наполнить два стакана, но Мегрэ закрыл один стакан рукой.

- Не сейчас... Полагаю, вы закроетесь немного погодя? У меня есть время, чтобы прогуляться перед сном?

- Я буду вас ждать.

И Мегрэ шагнул в гробовую тишину. Перед ним была небольшая площадь, не круглая и не квадратная. Справа над площадью возвышался темный силуэт церкви, напротив стояла неосвещенная лавка, над которой он с трудом различил надпись: «Шарантский кооператив».

В сером каменном угловом доме горел свет. Были освещены окна третьего этажа. Приблизившись к крыльцу с тремя ступеньками, Мегрэ увидел медную дощечку, чиркнул спичкой и прочитал:

«Ксавье Бресель.

Доктор медицины»

От нечего делать Мегрэ чуть не позвонил, толком не зная, с чего начать. Потом пожал плечами, подумав, что доктор, вероятно, уже собирается ложиться.

Большинство окон домов были темными. По флагу Мегрэ узнал одноэтажное здание мэрии. Это была крошечная контора, а во дворе, на втором этаже, вероятно, дома Гастена горела лампа.

Мегрэ свернул направо, направился вдоль фасадов и палисадников, чуть позже встретил помощника мэра, который брел в противоположном направлении и что-то буркнул вместо приветствия.

Мегрэ не слышал шума моря, нигде не видел берега. Заснувшая деревня была похожа на любой сельский поселок и не соответствовала тому образу, который он создал себе, представляя, как наслаждается устрицами под белое вино, сидя на террасе, выходящей на океан.

Сам толком не понимая почему, Мегрэ был разочарован. Уже встреча с лейтенантом на вокзале охладила его пыл. Но он не мог сердиться на лейтенанта. Даньелу был знаком с тем местом, где служил, вероятно, уже несколько лет. Разразилась трагедия. Он постарался расследовать ее, а тут из Парижа неожиданно приезжает Мегрэ, полагающий, что лейтенант ошибается.

Вероятно, следователь тоже был не в восторге. Конечно, они не осмелились выразить комиссару свое неудовольствие, были вежливыми, предоставили ему возможность ознакомиться с делом. Тем не менее Мегрэ сковывал их действия, вмешиваясь в то, что его непосредственно не касалось. И комиссар начал спрашивать себя: почему он принял столь неожиданное решение и приехал сюда?

Он слышал шаги, голоса. Несомненно, это два других игрока в белот возвращались домой. Потом, чуть дальше, желтый пес потерся о его ноги, и он вздрогнул от неожиданности.

Когда Мегрэ открыл дверь «Приятного уголка», в зале горела только одна лампа. Хозяин, стоя за стойкой, расставлял стаканы и бутылки. Он снял куртку и жилет. Его темные брюки спустились вниз выступающего живота, а закатанные рукава позволяли видеть толстые волосатые руки.

– Выяснили что-нибудь?

Луи Помель полагал, что ведет хитроумную игру. Ему надо было непременно показать, что он самый важный человек в деревне.

– Последний стаканчик?

– При условии, что плачу я...

Мегрэ, которому с самого утра хотелось местного белого вина, выпил еще коньяку, поскольку ему казалось, что час вина еще не наступил.

– Ваше здоровье!

– Думаю, – ?тихо сказал комиссар, вытирая рот, – ?что в деревне Леони Бирар не любили.

– Да, ее в наших краях считали старой каргой. Теперь она мертва. Бог взял ее душу, вернее, дьявол... Но, несомненно, она была самой злой женщиной из всех, которых я знал. А ее-то я знаю с тех самых пор, когда на ее спине лежали две косички и мы вместе ходили в школу. Ей было... минуточку... она на три года

старше меня. Да, верно. Мне шестьдесят четыре, следовательно, ей было шестьдесят семь. В двенадцать лет она уже была той еще заразой.

- Я не понимаю... - ?начал Мегрэ.

- А вы многого не поймете, несмотря на всю свою хитрость. Так позвольте мне просветить вас.

- Я не понимаю, - ?продолжил Мегрэ, словно говоря с самим собой, - ?почему люди так ополчились на учителя, если ненавидели старуху всей душой. В конце концов, если даже это он убил ее, следовало ожидать, что...

- Что все скажут: «Слава богу, наконец-то избавились!» Вы ведь так думаете, не правда ли?

- Примерно так.

- Только вы забываете, что Леони была местная.

Он наполнил стаканы, хотя Мегрэ его об этом не просил.

- Понимаете, это как в семье. Все имеют право ненавидеть друг друга, и никто за это не будет в обиде. Но если вмешивается посторонний, дело принимает совсем другой оборот. Да, все ненавидели Леони. Но Гастена и его жену все ненавидят еще сильнее.

- И его жену?

- Главным образом его жену.

- Почему? Чем она занимается?

- Здесь?-?ничем.

- Что значит здесь?

– В конце концов тайное становится явным, даже в таком глухом уголке, как наш. А мы не любим, когда к нам присылают людей, которых не хотят видеть в других местах. Супруги Гастены уже не в первый раз становятся причастными к трагедии.

За Луи Помелем, облокотившимся о стойку, было интересно наблюдать. Разумеется, ему хотелось поговорить, но всякий раз, когда хозяин таверны произносил фразу, он жадно всматривался в лицо Мегрэ, чтобы понять, какое впечатление произвели на того его слова. И он был готов в любую минуту спохватиться, даже начать противоречить себе, как крестьянин, продающий пару быков на ярмарке.

– Словом, вы приехали, ничего не зная?

– Я знаю только, что Леони Бирар была убита. Пуля попала ей в левый глаз.

– И ради этого вы проделали такое путешествие!..

Он по-своему насмеялся над Мегрэ.

– А вам не хотелось заехать в Курбевуа?

– А стоило?

– Там вам рассказали бы любопытную историю. Понадобилось время, чтобы она дошла до нас. Жители Сент-Андре узнали о ней только два года назад.

– Что за история?

– Гастенша была учительницей, работала вместе с мужем в одной школе. Она занималась девочками, он?–?мальчиками.

– Знаю.

– А вам рассказывали о Шевасу?

– Кто такой этот Шевасу?

– Тамошний муниципальный советник, красивый парень, высокий, сильный, черноволосый. Говорит с южным акцентом. Была и мадам Шевасу. И вот в один прекрасный день на улице после уроков мадам Шевасу выстрелила в учительницу, ранив ее в плечо. Вы догадываетесь почему? Потому что она узнала, что ее муж и Гастенша ведут себя, как хряк и свиноматка. Кажется, ее оправдали. Потом Гастены были вынуждены уехать из Курбевуа. У них вдруг проснулась любовь к сельской жизни.

– Только я не вижу никакой связи со смертью Леони Бирар...

– Возможно, никакой связи и нет.

– Судя по вашим словам, Жозеф Гастен не сделал ничего дурного.

– Он рогоносец.

Луи Помель улыбался, довольный сам собой.

– Разумеется, есть и другие рогоносцы. У нас в деревне их полным-полно... Желаю вам приятных снов. Может, по последнему стаканчику?

– Нет, спасибо.

– Тереза покажет вам вашу комнату. Скажите ей, когда вам надо принести горячей воды.

– Благодарю вас. Спокойной ночи.

– Тереза!

Тереза стала первой подниматься по лестнице с неровными ступеньками, потом свернула в коридор, оклеенный цветастыми обоями, и открыла дверь.

– Разбудите меня в восемь часов, – ?попросил Мегрэ.

Тереза продолжала стоять, не двигаясь. Она смотрела на комиссара так, словно хотела доверить ему какую-то тайну. Мегрэ внимательнее присмотрелся к ней.

– Мы с вами где-то уже встречались, не так ли?

– Вы помните?

Мегрэ не стал признаваться ей, что его воспоминания были довольно смутными.

– Мне не хотелось бы, чтобы вы здесь об этом говорили.

– Вы не местная?

– Местная. Но я в пятнадцать лет уехала в Париж на заработки.

– И вы там действительно работали?

– В течение четырех лет.

– А потом?

– Вы всё знаете, поскольку видели меня. Комиссар Приоле скажет вам, что я не брала бумажник. Его взяла моя подружка, Люсиль, а я об этом даже не догадывалась.

В памяти Мегрэ всплыли более четкие воспоминания. Он понял, где ее видел. Однажды утром он вошел, как это часто случалось, в кабинет своего коллеги Приоле, начальника бригады по охране нравов, или «светской» бригады, как ее называли. На стуле сидела молоденькая брюнетка с растрепанными волосами. Она вытирала глаза и всхлипывала. В ее бледном болезненном лице было нечто, что привлекло внимание Мегрэ.

– Что она натворила??–?спросил он у Приоле.

– Старая песня. Проститутка, промышляющая на Севастопольском бульваре. Позавчера торговец из Безье подал жалобу, что его обокрали. Он дал нам точное

описание воровки. Вчера мы ее сцапали на танцульках на улице Лап.

- Это не я!?!-?бормотала девушка между двух всхлипываний. - ?Клянусь мамой, это не я. Я не брала бумажник.

Мужчины лукаво переглянулись.

- Что ты об этом думаешь, Мегрэ?

- Ее до этого арестовывали?

- Нет.

- Откуда она?

- Откуда-то из Шаранты.

Они часто разыгрывали подобную комедию.

- Ты нашел ее подружку?

- Пока нет.

- Почему бы тебе не отправить девицу обратно в деревню?

Приоле повернулся к девушке и строго спросил:

- Вы хотите вернуться в деревню?

- Только если там ничего не узнают.

Было забавно встретить ее сейчас, повзрослевшую на пять-шесть лет, по-прежнему бледную, с большими темными глазами, которые умоляюще смотрели на комиссара.

- Луи Помель женат??-?вполголоса спросил Мегрэ.

- Он вдовец.

- Вы спите с ним?

Тереза кивнула головой.

- Он знает, чем вы занимались в Париже?

- Нет. Не надо, чтобы он знал. Он все обещает на мне жениться. Вот уже несколько лет обещает... Но все-таки когда-нибудь он решится.

- Тереза!?!-?раздался голосу с низу лестницы.

- Сейчас иду!

Потом она спросила Мегрэ:

- Вам ничего не нужно?

Мегрэ покачал головой и приветливо улыбнулся.

- Не забудьте принести мне горячую воду в восемь часов.

Мегрэ был доволен, что встретил Терезу, поскольку, по сути, рядом с ней он чувствовал себя на знакомой территории. Это было немного похоже на встречу со старой приятельницей.

Впрочем, у него сложилось впечатление, что и других он тоже знал, хотя и видел мельком. Ведь в его родной деревне тоже были помощник мэра, который пил, игроки в карты, - ?правда, тогда играли не в белот, а в пикет, - ?почтальон, возомнивший себя важной птицей, и хозяин таверны, знавший тайны всех и каждого.

Их лица навсегда запечатлелись в его памяти. Только он видел их глазами ребенка и теперь понимал, что по-настоящему не знал этих людей.

Раздеваясь, он слышал шаги Помеля, поднимавшегося по лестнице, потом шум, раздававшийся в соседней комнате. Тереза присоединилась к хозяину таверны чуть позже и тоже стала раздеваться. Они разговаривали вполголоса, как муж и жена, которые ложатся спать. Пружины заскрипели, а потом все смолкло.

Мегрэ было как-то неуютно под двумя огромными пуховыми перинами, и он долго ворочался. Вскоре он почувствовал запах сена и деревенской плесени. Возможно, из-за перин или из-за коньяка, который он пил с хозяином из толстых стаканов, Мегрэ сильно потел.

На рассвете сквозь сон до него стали долетать различные звуки, в том числе топот стада коров, которые шли вдоль таверны и изредка мычали. Вскоре заработала кузница. Внизу кто-то убирал ставни. Мегрэ, открыв глаза, увидел еще более яркое солнце, чем накануне в Париже, сел и натянул брюки.

Сунув босые ноги в домашние туфли, он спустился. Тереза была на кухне. Она варила кофе. На ночную рубашку она накинула цветастый халат. Ноги ее были босыми, и от нее пахло постелью.

– Еще нет восьми. Только половина седьмого. Хотите кофе? Он будет готов через пять минут.

Спустился и Помель, небритый, неумытый, в домашних туфлях, как и комиссар.

– А я думал, что вы не собираетесь вставать раньше восьми.

Они выпили свой первый кофе из толстых фаянсовых чашек, стоя около плиты. На площади собрались женщины в черном с корзинами и сумками в руках.

– Чего они ждут??–спросил Мегрэ.

– Автобус. Сегодня в Ла-Рошели базарный день.

Было слышно, как кудахтали куры, сидевшие в клетках.

– Кто теперь ведет уроки?

– Вчера никто. Сегодня утром ждут нового учителя из Ла-Рошели. Он должен приехать на автобусе. Он остановится здесь, в задней комнате, поскольку вы занимаете переднюю.

Мегрэ вернулся в свою комнату, когда на площади остановился автобус. Он увидел, как из него вышел застенчивый молодой человек. В руках он нес большой чемодан. Вероятно, это был учитель.

Клетки поставили на крышу автобуса. Женщины забились внутрь. В дверь постучала Тереза.

– Горячая вода!

Ненавязчиво, глядя куда-то вдаль, Мегрэ спросил:

– Вы тоже считаете, что Гастен убил Леони?

Прежде чем ответить, Тереза бросила быстрый взгляд на приоткрытую дверь.

– Я не знаю, – ?тихо сказала она.

– Вы в это не верите?

– Он на такое не способен. Но все они хотят, чтобы это был он, понимаете?

Мегрэ начал понимать другое: он без всяких на то оснований взвалил на себя трудную, если не сказать невыполнимую, задачу.

– Кто был заинтересован в смерти старухи?

– Не знаю. Говорят, она лишила наследства свою племянницу, когда та вышла замуж.

- Кому достанутся ее деньги?

- Может, пойдут на благотворительность. Она так часто меняла решения!.. А может, польке Марии...

- Это правда, что помощник мэра сделал ей одного или двух детей?

- Марии? Все так говорят... Он часто захаживает к ней, а порой и проводит у нее ночи.

- Несмотря на детей?

- Марию это не смущает. К ней все ходят.

- Помель тоже?

- Случалось, когда она была помоложе. Теперь она не слишком-то аппетитная.

- Сколько ей лет?

- Около тридцати. Она совсем не следит за собой. А у нее дома хуже, чем в конюшне.

- Тереза!?!-?раздался голос хозяина таверны, как и накануне вечером.

Не стоило настаивать. Казалось, Помель был недоволен. Может, он ревновал? Или просто не хотел, чтобы она откровенничала с комиссаром.

Когда Мегрэ спустился, молодой учитель завтракал. Он с любопытством посмотрел на комиссара.

- Что будете есть, комиссар?

- У вас есть устрицы?

- Только не при квадратурном приливе.

- И долго он продержится?

- Еще пять-шесть дней.

Еще в Париже Мегрэ хотелось устриц, сбрызнутых белым вином. Но, возможно, за время своего пребывания здесь он их так и не отведаёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перно? (фр. Pernod) – марка анисовой настойки, выпускаемая компанией Pernod Ricard. – ?Прим. пер.

Купить: https://tellnovel.me/ru/simenon_zhorzh/megre-v-shkole

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)